

НИКОЛАЙ I В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности изучения роли Николая I в отечественной исторической науке на протяжении 2010–2020 гг. Актуальность исследования предпосылок реформ на фоне динамичного развития рыночных отношений в Европе требует уяснения новых методов сохранения столь желанной для властей стабильности институтов абсолютной монархии на фоне внешнеполитических угроз и оживлении дискуссий в среде российской общественности о выборе модели преобразований. Личность монарха в этих условиях приобретала особое значение. На протяжении полутора веков сохраняются достаточно противоречивые оценки личности главы государства, связанные с общественно-политическими устремлениями современников, историков имперской, советской и современной России. Отмечены новые тенденции в российской историографии, связанные с вводом в научный оборот новых источников, расширением исследовательского пространства и поиском новых сюжетов. Обращено внимание на преодоление стереотипов в осмыслении ряда аспектов биографии императора, сохранивших свое влияние на тематику публикаций. Рассмотрен сюжет о взаимоотношениях императора и деятелей русской культуры, по-прежнему имеющий различные интерпретации. Перспективы изучения личности Николая I, по мнению автора, связаны с продолжением использования компаративного анализа в новом диапазоне, с точки зрения понимания культурно-исторического феномена монарха в обществе, находящемся в переходном этапе своего развития. Высказаны суждения о перспективах дальнейшего изучения личностного фактора в истории России XIX в.

Ключевые слова: Россия, император, Николай I, монархия, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Западная Европа, искусство, литература, цензура.

V. Yu. Karnishin

Penza State University, Penza, the Russian Federation

NICHOLAS I IN THE CONTEXT OF THE EPOCH: PROBLEMS OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article deals with the features of studying the role of Nicholas I in Russian historical science during 2010-2020. The relevance of the study of the prerequisites for reforms against the background of dynamic development of market relations in Europe requires understanding of new methods for preserving the stability of the institutions of absolute monarchy, which is so desirable for the authorities, against the background of foreign policy threats and reviving discussions among the Russian public about the choice of a model of transformation. The personality of the monarch in these conditions acquired special significance. For a century and a half, there have been quite contradictory assessments of the personality of the head of state, related both to the socio-political aspirations of contemporaries, historians of Imperial, Soviet and modern Russia. New trends in Russian historiography related to the introduction of new sources into scientific circulation, the expansion of research space and the search for new stories are noted. Attention is paid to overcoming stereotypes in understanding a number of aspects of the biography of the Emperor, which have retained their influence on the subject of publications. The article deals with the story of the relationship between the Emperor and Russian cultural figures, which still has different interpretations. According to the author, the prospects for studying the personality of

Nicholas I are related to the continued use of comparative analysis in a new range, from the point of view of understanding the cultural and historical phenomenon of the monarch in a society in transition. Judgments are made about the prospects for further study of the personal factor in the history of Russia in the XIX century.

Key words: Russia, Emperor, Nicholas I, monarchy, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, Western Europe, art, literature, censorship.

Осмысление роли Николая I в реализации внутренней и внешней политики позволяет расширить представления о реалиях развития России в условиях переходного периода ее развития. Осознание необходимости перемен на фоне динамичного развития рыночных отношений в Европе сочеталось с поиском новых методов сохранения столь желанной стабильности институтов абсолютной монархии на фоне внешнеполитических угроз и оживлении дискуссий в среде российской общественности о выборе модели преобразований. Личность монарха в этих условиях приобретала особое значение. Напомним, что на протяжении полутора веков сохраняются достаточно противоречивые оценки личности главы государства, связанные с общественно-политическими устремлениями современников, историков имперской, советской и современной России. Полагаем, что нет необходимости анализировать содержание точек зрения по этой проблеме ввиду издания обстоятельных статей [1; 2]. Отметим лишь правомерность выводов авторитетного исследователя эпохи второй четверти XIX в., профессора Санкт-Петербургского государственного университета Л. В. Выскочка [3–7].

Речь идёт о том, что, во-первых, на протяжении 1990-х – начале 2000-х гг. изучение личности Николая I было связано с введением в широкий научный оборот сборников документов, мемуаров, статей, многие из которых давно являлись библиографической редкостью. Во-вторых, ряд авторов поставили такие проблемы, как влияние личности Николая I на политику государства, восприятие личности монарха сановниками этой эпохи. Нельзя не отметить ещё одно обстоятельство: пристальное внимание к сюжету о феномене повседневной жизни Императорского двора николаевской эпохи [2, с. 82–85]. Указанные обстоятельства определили принципиально новые подходы к изучению фигуры главы государства, связанные со стремлением преодолеть стереотипы, характерные для советской историографии, в основе которых достаточно чётко проявлялось воздействие нормативной идеологии.

Исследование новых граней личности Николая I в течение последнего десятилетия отразилось в дальнейшем развитии лучших традиций современной Российской историографии. Л. В. Выскочков в новых исследованиях внимательно проанализировал особенности формирования мировоззрения будущего монарха, его воспитания и обучения. Небезынтересны наблюдения, связанные с отношением великого князя Николая Павловича к предметам, преподаваемым ему приглашёнными профессорами. Будучи прагматиком, он не проявлял склонности к постижению «отвлечённых наук и философии» [8, с. 320]. История рассматривалась им как своего рода сокровищница фактов и примеров для подражания. В самообразовании достаточно отчётливо выявлялся интерес к мемуарной литературе. При этом великий князь наблюдал за событиями, сотрясавшими Западную Европу, – Великой Французской революцией, Испанской революцией, греческим восстанием против османского владычества. Л. В. Выскочков отмечает, что впоследствии при принятии решений по вопросам внешней политики, территориальных претензий Николай Павлович, бесспорно, опирался на свой опыт постижения истории, полученный в юные годы [8, с. 325]. Поучительно и то, что прагматизм будущего монарха отразился и в том, что он способствовал финансовой поддержке деятельности российских историков, а также использованию памятников древности с целью усиления идеологического влияния на молодое поколение. Л. В. Выскочков

подчёркивает, что идеи национализма в Николаевское царствование представляли собой своеобразную реакцию на дворянский космополитизм его предшественника. В то же время, напоминает автор, исторический кругозор главы государства был гораздо обширнее, что, бесспорно, расширяет наши представления о его эпохе как предтече Великих реформ 1860–1870-х гг. [8, с. 230].

А. В. Выскочков внимательно проанализировал содержание опубликованных в 2013 г. записных книжек Великого князя за 1822–1855 гг. [9]. В своей статье [10] он стремится к уяснению взаимосвязи между содержанием записей и эволюцией в восприятии реалий достаточно противоречивого периода в истории России. Скучность и однообразие пометок и записей, как полагает А. В. Выскочков, тем не менее, не отменяет того, что за лаконизмом фраз проявлялось умение реконструировать происходившие события, настроения, места пребывания [10, с. 237]. В записях содержится весьма разнообразная информация об отношении их автора к внешнеполитическим событиям, круге общения будущего императора. Не менее интересно и знакомство с таким аспектом повседневной жизни, как роль путешествий, пеших и морских прогулок. Вкусы и пристрастия Николая Павловича к театру отразились и в зафиксированных сведениях о репертуаре театров, оценках постановок пьес российскими и западноевропейскими труппами. Разносторонность личности Николая I, проявившаяся по отношению к музыке, достаточно симптоматично проявилась в том, что по его приказу произведение А. Львова «Молитва русского народа» стала считаться гимном империи с 1833 г.

А. В. Выскочковым был продолжен сюжет об отношении Николая I к русскому искусству, ранее рассмотренный в фундаментальной биографии монарха [11]. Пристальный интерес главы государства к деятельности Академии художеств, поощрение творчества известных художников К. П. Брюллова, А. А. Иванова, П. А. Федотова на протяжении многих десятилетий были вне внимания историков. Между тем, именно усилиями Николая I были существенно пополнены коллекции Эрмитажа. Д. И. Олейниковым обращалось внимание и на создание подлинных архитектурных шедевров – Большого Кремлёвского дворца в Московском Кремле, зданий двух Николаевских вокзалов в обеих столицах, Главного штаба на Дворцовой площади [12, с. 235].

В историографии предложены новые ракурсы взаимоотношений между Николаем I и выдающимися русскими писателями. В. А. Воропаев отмечает, что Н. В. Гоголь, оставаясь до конца жизни убеждённым монархистом, подчёркивал, что высокое лирическое одушевление поэтов – своих современников – было связано, по его мнению, с любовью граждан к своему монарху: «Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но если нет среди них такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдёт концерт» [13, с. 403–404]. Писатель с благодарностью вспоминал о внимании к своему творчеству самого императора и его наследника, великого князя Александра Николаевича, как вспоминала А. О. Смирнова, по словам Николая Павловича, у Гоголя «есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие» [13, с. 402]. При этом помимо материальной помощи писателю Николай I получил от императора благодарность в связи с подаренным ему Н. В. Гоголем сборником «Миргороде», а через год был награждён бриллиантовым перстнем после поднесения ему пьесы «Ревизор». Небезынтересно, что книги писателя читались в семье монарха, а в конце 1840-х – начале 1850-х гг. он рассчитывал занять должность воспитателя при дворе [14, с. 275].

И. А. Виноградов внимательно анализирует обстоятельства, связанные с постановкой пьесы «Ревизор». По свидетельству современников, на премьере в Александровском театре император присутствовал с наследником, а впоследствии пришёл на представление со своей семьёй. При этом восприятие пьесы у Николая Павловича было весьма далёким от стереотипных суждений, для которых была

характерна односторонность и предвзятость. В беседе с наследником, отмечавшим схожесть городничего в Вышнем Волочке с героем пьесы Н. В. Гоголя, отец недвусмысленно внушал: «Не одного, а многих увидишь подобных лицам «Ревизора», но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но хорош по другим важнейшими достоинствам...» [15, с. 272].

Проблема взаимоотношений Николая I и А. С. Пушкина на протяжении многих десятилетий по-прежнему занимает особое место в исторических и литературоведческих изысканиях. Отметим различные толкования обстоятельств известного приёма поэта императором после его возвращения из ссылки в Михайловском. М. А. Рахматуллин приводит суждения А. С. Пушкина об отношении к нему Николая I в достаточно широком спектре оценок и эмоций: «Он дал мне жизнь, и, что гораздо более, свободу: виват!»; «Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия» [15, с. 418]. Позднее, как известно, взаимоотношения императора и поэта приобрели иной характер, а общественно-политическим кредо А. С. Пушкина, напоминает М. А. Рахматуллин, стал «свободный консерватизм» [15, с. 437].

В монографии А. Н. Боханова предложено иное видение отношений между поэтом и Николаем I. Как проявление доверия к поэту он рассматривал поручение подготовить «Записку о народном воспитании», в которой впервые был поставлен вопрос о национальном историческом образовании [16]. В совете Николая I поэту, страдавшему от интриг в великосветских кругах император, как отмечал А. С. Боханов, сочувственно указывалось, что «оскорбления, которыми его угостили, обещивают не того, к кому они относятся, а того, кто их произносит...» [16]. Покровительство царя проявлялось в его защите поэта от последствий расследования в связи с делом о поэме «Гавририада», разрешении издания драмы «Борис Годунов». Как полагал А. Н. Боханов, вопрос о присвоении А. С. Пушкину придворного чина камер-юнкера был не столь однозначен. Известна эмоциональная реакция 34-летнего на это назначение. А. Н. Боханов приводит прагматичные объяснения: имевший чин титулярного советника на гражданской службе присвоение придворного звания выше камер-юнкерского являлось бы нарушением закона, общеизвестна материальная поддержка Николаем Павловичем вдовы поэта. Однако обстоятельства захоронения поэта, имевшие отнюдь недоброжелательный характер, остались без внимания автора.

Новейшая монография В. М. Вогмана представляет собой попытку проанализировать взаимоотношения А. С. Пушкина и Николая I на документальной основе [17]. Отличительная черта исследования – своеобразное «вписывание» этих взаимоотношений в контекст нравов столичного города, литературной среды, салонов и придворной жизни. Это позволило прийти к наблюдениям и выводам, позволяющим по-новому оценить сложность положения поэта, оказавшегося в подчинённом положении А. Х. Бенкендорфу, всё более поглощаясь в долговую яму на фоне интриг гости литераторов и придворной знати. Во-первых, император выражал явное неудовольствие инсинуациями Ф. В. Булгарина по отношению к А. С. Пушкину на страницах «Северной пчелы». Во-вторых, поэт оказался в крайне сложной ситуации: осознавая, что ему не место в бюрократической среде, он, тем не менее, не мог покинуть столичный Санкт-Петербург по материальным причинам, а также ввиду необходимости продолжения своей издательской деятельности. На читателя не может не произвести впечатление содержание и тональность переписки между А. С. Пушкиным и А. Х. Бенкендорфом, в которой рефреном следуют ходатайства о разрешении печатать произведения, ознакомиться с библиотекой Вольтера в Зимнем дворце, поездке в Оренбург [17, с. 70–72].

Особо автор отмечает уничижительное положение поэта при дворе в качестве камер-юнкера. Исполнение этих обязанностей, как справедливо указывается, стало своеобразной наградой за лояльность императору [17, с. 75].

Достаточно очевидным было и униженное положение поэта, с которого Николай Павлович взял обещание «в случае возобновления ухаживаний Дантеса за Н. Н. Пушкиной обратиться к нему» [17, с. 110]. Автор убедительно показывает, что личные отношения главы государства к поэту уступили место деловым соображениям, в основе которых – намерение не допустить эксцессов собравшейся на набережные Мойки петербуржцев разных сословий [17, с. 112]. Таким образом, как утверждает В. М. Вогман, разочарование А. С. Пушкина в Императоре становилось особо ощутимым на фоне совокупности и переплетения обстоятельств общественной, светской, литературной и частной жизни. Оценка Николаем I поэта с позиций государственника суживала понимание/непонимание личности А. С. Пушкина.

Научное исследование Н. П. Таньшиной представляет собой попытку принять компаративный анализ государственной деятельности Николая I и французского короля Луи-Филиппа Орлеанского [18]. Автор отмечает определённую схожесть восприятия личностей обоих монархов. На французского короля общественное мнение возлагало вину за Революцию 1848 г. Проведение Великих реформ 1860–1870-х гг. давало основание консерваторам напоминать Александру II о заветах отца, а либералы старались внушать главе государства мысль о том, что пренебрежение общественным мнением и тотальное огосударствление страны может обусловить стагнацию и крах правительственной политики [18, с. 7]. Н. П. Таньшина указывает на то, что оба государственных деятеля потеряли своих отцов, один из которых был гильотинирован, а другой – убит в условиях дворцового переворота. Это не могло не наложить отпечаток на становление личных качеств и постоянное опасение за свою жизнь и жизнь своих семей. Практика путешествий обоих государственных деятелей расширяла кругозор будущих монархов. Вместе с тем, они не рассчитывали на высшую власть в своих странах, хотя были подготовлены к государственной деятельности. Представляется, что небезынтересны выводы о том, что период правления обоих монархов – период взаимодействия русского самодержавия и французского либерализма [18, с. 65]. Личностные качества Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского обусловили создание предпосылок для проведения системных реформ в России, а традиции конституционализма, парламентаризма, вошедшие в практику французской государственности, и поныне составляют основу развития этой страны [18, с. 65].

Восприятие личности Николая I немецкими консерваторами в 1830–1840-х гг. проанализировано в статье О. В. Заиченко [19].

Небезынтересны оценки О. В. Заиченко воззрений немецких консерваторов феномена Николая I в контексте выявления структуры и основных детерминант образа России как части мировоззренческой системы аристократических групп общества 1830–1840-х гг. Изучив путевые заметки, мемуары, публицистику (последняя носила явно выраженный полемичный оттенок), автор делает ряд важных выводов. Одним из них является наблюдение, связанное с тем, что «его (Николая I) реальная власть была полностью растворена в создаваемом эпическом образе великого преобразователя, а восприятие императора характеризовалось непрерывным единством набора его выдающихся человеческих качеств и политических функций [19, с. 201]. Немцы-руссофилы отмечали в ряду личных качеств русского императора телесное и душевное здоровье, «пленящую» красоту и физическое превосходство над окружающими. Характер самодержца, как считает О. В. Заиченко, изображался немецкими консерваторами в соответствии с европейскими представлениями о дворянских добродетелях. Власть монарха представлялась не как неограниченное ничем личное право, а как своего рода священный долг [19, с. 212]. Образ Российской империи, воплотившийся в работах немецких авторов, мечтавших о сильной власти и объединении Германии, отражал

как реакцию на испытание европейскими революциями 1830–1840-х гг., так и интеллектуальные поиски аргументов в полемике с немецкими либералами по внутригерманским вопросам [19, с. 209].

Изучение историографической ситуации последнего десятилетия позволяет делать вывод о том, что историками существенно расширен диапазон исследований, посвященных личности Николая I. Исследование особенностей воспитания и обучения может уточнить ряд аспектов, связанных с мировоззренческой парадигмой Николая I, что, в свою очередь, значимо для понимания причин консервации институтов и структур второй четверти XIX в., а также выявления тенденций, которые определили проведение системных реформ 1860–1870-х гг. Сохраняет своё значение и сюжет о взаимоотношениях императора и деятелей русской культуры. Как оказалось, эта проблема по-прежнему имеет различные интерпретации, сохраняя высокий уровень полемики. Перспективы изучения личности Николая I, на наш взгляд, связаны с продолжением использования компаративного анализа в новом диапазоне, с точки зрения понимания культурно-исторического феномена монарха в обществе, находящемся в переходном этапе своего развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щепаньски Е. Новые российские исследования эпохи Николая I (по материалам: Выскочков Л. В. «Император Николай I: Человек и государь» (СПб., 2001) и «Николай I» (М., 2006)) / Е. Щепаньски // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. — № 4 (1). — С. 150–162.
2. Выскочков Л. В. Император Николай I. проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996–2005 гг.) / Л. В. Выскочков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2005. — № 4. — С. 79–99.
3. Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь / Л. В. Выскочков. — Санкт-Петербург : Молодая гвардия, 2001. — 644 с.
4. Выскочков Л. В. Николай I / Л. В. Выскочков. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 693 с.
5. Выскочков Л. В. Николай I: Портрет в миниатюре / Л. В. Выскочков // Вопросы истории. — 2017. — № 1. — С. 113–125.
6. Выскочков Л. В. «Мы все учились понемногу...» / Л. В. Выскочков // Родина. Специальный выпуск (Образование в России: вчера, сегодня, завтра). — 2010. — С. 22–24.
7. Выскочков Л. В. «Царская педагогика» Императора Николая I: Воспитание и обучение детей в Царской семье / Л. В. Выскочков // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: сб. тр. конф. «Чтения Ушинского». — Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. — С. 98–105.
8. Выскочков Л. В. *Magistra vitae* императора Николая I / Л. В. Выскочков // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — 2017. — № 7. — С. 317–333.
9. Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1822–1825 / под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой; науч. пер. с фр. Е. Э. Ляминой, О. В. Эдельман. — Москва : Политическая энциклопедия, 2013. — 903 с.
10. Выскочков Л. В. Записные книжки великого князя Николая Павловича как исторический источник (К публикации дневников 1822–1825 гг. из фондов ГАРФ) / Л. В. Выскочков // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. — 2015. — № 3 (7). — С. 231–250.
11. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха: очерки истории России второй четверти XIX века / Л. В. Выскочков. — Москва : Академический проект, 2018. — 999 с.
12. Олейников Д. И. Николай I / Д. И. Олейников. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 339 с.
13. Воропаев В. А. Каждого из нас званье свято. Гоголь и император Николай I. К 160-летию со дня смерти Государя Николая Павловича / В. А. Воропаев // Преподаватель XXI век. — 2016. — № 3-2. — С. 399–411.

14. Виноградов И. А. Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя / И. А. Виноградов // *Studia Litterarum*. — 2016. — Т. 1, № 1–2. — С. 269–277.
15. Рахматуллин М. А. Екатерина II, Николай I, А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / М. А. Рахматуллин; отв. ред. А. Н. Цамутали. — Москва : Памятники исторической мысли, 2010. — 634 с.
16. Боханов А. Н. Император Николай I / А. Н. Боханов — Москва : DirectMEDIA, 2014. — 497 с.
17. Вогман В. М. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы / В. М. Вогман. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 260 с.
18. Танышина Н. П. Самодержавие и либерализм : эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского / Н. П. Танышина. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 333 с.
19. Заинченко О. В. Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 30–40-е гг. XIX в. Резиденция императора и двор / О. В. Заинченко // *Диалог со временем*. — 2013. — № 43. — С. 115–143.

REFERENCES

1. Shchepan'ski E. The New Russian Studies of the Epoch of Nicholas I (In Connection with the Reading of the Works, L.V. Vyskochkova: "Emperor Nicholas I: Man and tsar" (Saint-Petersburg, 2001) and "Nicholas I" (M., 2006). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Journal of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2012, no. 4 (1), pp. 150-162 (in Russian).
2. Vyskochkov L. V. Emperor Nicholas I. Problems and Results of the Study of the Nicholas Era (Russian Historiography of the Last Decade, 1996-2005). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia = Journal of St. Petersburg University. History*, 2005, no. 4, pp. 79-99 (in Russian).
3. Vyskochkov L. V. *Imperator Nikolai I: Chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I: Man and Sovereign]. Saint Petersburg, Molodaia gvardiia Publ., 2001, 644 p.
4. Vyskochkov L. V. Nikolai I [Nicholas I]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2003, 693 p.
5. Vyskochkov L. V. Nicholas I: Portrait in Miniature. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2017, no. 1, pp. 113-125 (in Russian).
6. Vyskochkov L. V. « We all studied a little bit...». *Rodina. Spetsial'nyi vypusk (Obrazovanie v Rossii: vchera, segodnia, zavtra) = Homeland. Special issue (Education in Russia: yesterday, today, tomorrow)*, 2010, pp. 22-24.
7. Vyskochkov L. V. «Tsarskaia pedagogika» Imperatora Nikolaia I: *Vospitanie i obucheniie detei v Tsarskoi sem'e* ["Tsar Pedagogy" of Emperor Nicholas I: Upbringing and Education of Children in Tsar's Family]. *Voprosy otechestvennoi i zarubezhnoi istorii, politologii, teologii, obrazovaniia: Materialy konferentsii «Chteniia Ushinskogo»*. [Issues of domestic and foreign history, political science, theology, education: Materials of the conference "Readings of Ushinsky."]. Yaroslavl, 2011, pp. 98-105.
8. Vyskochkov L. V. Magistra Vitae of Emperor Nicholas I. *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh = Ancient Russia: in Time, in Personalities, in Ideas*, 2017, no. 7, pp. 317-333 (in Russian).
9. Sidorova M. V., Silaeva M. N. (ed.); Liamina E. E., Edel'man O. V. (translate). *Zapisky kniazhi velikogo kniazia Nikolaia Pavlovicha, 1822–1825* [Notebooks of Grand Duke Nicholas Pavlovich, 1822-1825]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2013, 903 p.
10. Vyskochkov L. V. Notebooks of Grand Prince Nicholas as a Historical Source (On Publication of Diaries Dated 1822-1825 Stored in State Archives of the Russian Federation). *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniia po rossiiskoi i vseobshchei istorii = Petersburg historical journal*, 2015, no. 3 (7), pp. 231-250 (in Russian).
11. Vyskochkov L. V. Nikolai I i ego epokha: ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti XIX veka [Nikolai I and His Era: Essays of the History of Russia in the Second Quarter of the XIX Century]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, 999 p.
12. Oleinikov D. I. *Nikolai I* [Nicholas I]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012, 339 p.
13. Voropaev V. A. Everybody's Rank is Holy. Gogol and Emperor Nikolai I. To the 160th Anniversary of the Emperor Nikolai Pavlovich's Death. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher the XXI Century*, 2016, no. 3-2, pp. 399-411 (in Russian).

14. Vinogradov I. A. Paternal Care: Emperor Nicolas I in Gogol's Fate. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1-2, pp. 269-277 (in Russian).

15. Rakhmatullin M. A. Ekaterina II, Nikolai I, A. S. *Pushkin v vospominaniakh sovremennikov* [Catherine II, Nikolai I, A. S. Pushkin in memories of contemporaries], Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2010, 634 p.

16. Bokhanov A. N. *Imperator Nikolai I* [Emperor Nicolas I]. Moscow, DirectMEDIA Publ., 2014, 497 p.

17. Vogman V. M. *Pushkin i Nikolai I. Issledovanie i materialy* [Pushkin and Nikolai I. Research and Materials]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, 260 p.

18. Tan'shina N. P. *Samoderzhavie i liberalizm : epokha Nikolaia I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orléans]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018, 333 p.

19. Zainchenko O. V. Main Determinants of the Perception of Russia by German Conservatives in the 30-40s of the XIX century. Residence of the Emperor and Court. *Dialog so vremenem = Dialogue with time*, 2013, no. 43, pp. 115-143 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнишин Валерий Юрьевич — заведующий кафедрой истории Отечества, государства и права юридического института Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: valerykarnishin@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karnishin Valeriy Yu. — Head, Department of History of Russia, State and Law, Institute of Law, Penza State University, Doctor of History, Professor, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: valerykarnishin@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Карнишин В. Ю. Николай I в контексте эпохи: проблемы современной историографии / В. Ю. Карнишин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 2 (30). — С. 13–20. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-2.

FOR CITATION

Karnishin V. Yu. Nicholas I in the Context of the Epoch: Problems of Modern Historiography. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 13-20, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-2. (In Russian).